

Избавление, или Как выплеснуть из души всё наболевшее?

«Крик души?» – спросите вы. «Не угадали», – отвечу я. «Тогда стон?» – предположите вы. «Опять неверно», – засмеюсь я. «Вой или жалоба?» – полувопросительно-полуутвердительно скажет собеседник. «Нет, нет и еще раз нет!» – отвергну я последнюю попытку понять.

Это не крик, не вой, не стон и не жалоба, это – рвущаяся, словно младенец к свету из материнской утробы, боящаяся и страстно жаждущая пьянящего, захлебывающегося простора сущность. Это желание нового, доброго, сыто уверенного либо голодного задиристого и неугомонного.

Я устал от этого города. Он тесен мне, как рубашка. Я хожу по этим улицам и натываюсь на тоску. Здесь я страдал и болел, и душа моя, разломленная, словно яблоко рукой силача, вытекала. Это было невероятно больно и страшно, едко, жгучая соляная кислота неверия и безнадежности разъедала, сжирала и растворяла нежное лиловое пульсирующее облако моей души. Я сжился с этой тоской тогда, как сживаются с увечьем. Я привык к ней. Я заставил себя поверить, что так надо и лучшего не дано. Это было страшно. Я много читал, искал ответы. Я познал многое. Да, мать вашу, наверное, я понял такое, что не каждый в двадцать лет понимает. Я рад, что через это прошел.

Да, я рад! Какой же мир вкусный! Какой же он добрый! Надо жить. Раны мешают. Раны в сердце. Хорошо, что я оптимист. Такой оптимист, что если однажды гитлеровцы поймут меня и начнут безжалостно и неумолимо вырывать мне глаза, я лишь вздохну: «Что ж, проживу и без глаз! Видно, так будет лучше». И весело, задиристо засмеюсь им в лицо своим самым сумасшедшим смехом. И устыдятся они. И опустят заскорузлые свои ручки. И упадут мои окровавленные глаза на пол.

Испытывая к ним невероятную нежность, я возьму их как сувенир домой. Положу на полочку, буду ходить и ощупывать: «Когда-то они были моими». А потом, растолстев и обленившись, словно старый слепец, я в отчаянии схвачу засохший, звенящий пустотой экспонат и прислоню к ранам. К старым ранам. И вдруг нальются они вновь живым теплом и страстью! И нарастет плоть изрезанная! И почувствую я бешеное течение соков в организме! И вновь я стану жилистым и энергичным!

Мне тесен мой город, моя улица, мой дом... Здесь много боли, моей боли. Раньше я стеснялся ее. Друзья, знакомые говорили мне, что я страдаю из-за чепухи. А я не такой как они. Я – обнаженный нерв! Но я не нервный, просто чувствую мир тонко, мать вашу! Нет, я не говорю, что вы сволочи, просто, вы – толстокожие бегемоты. Но вы хорошие бегемоты, я вас люблю и понимаю.

У меня свой путь. Нового! Принципиально нового! Перемещаться, уехать, делать по сердцу, забыться, любить, колошматиться, драться и восхищаться! Нюхать! Вдыхать воздух дремучих лесов, болот, ветер моря и шум тайги! Идти ночью среди тысяч незнакомых огней города и плакать. Не стесняюсь! Чтобы слезы текли по лицу – сладко-сладко! Смотреть на чужие окна и знать, что никто тебя не знает! А потом уйти из города и ломиться через поля и леса, прорываться сквозь чащи и буреломы, перепрыгивать через ручейки и переходить через холодные речушки! Смотреть на звезды, слышать шорох листьев под ногами, пугаться сверкающих глаз за кустами и бежать.

Бежать, пока хватит сил! Пока усталость, усталость измученного, приятно изломанного тела не победит. Пока не свалюсь на берегу тихого озера, обсаженного елями, и не просплю там трое суток, не вставая. После я встану, выпью половину озера, съем всю прибрежную морошку и, тихо матерясь на свой неразумный идиотизм, поползу обратно. Четырнадцать дней я, как Маресьев, буду плутать по лесам, четырнадцать дней я буду питаться муравьями, слизняками и еще всякой дрянью, что подвернется под руку. Потом лягу под сень деревьев и стану тихо умирать, воздав дань богам, что произвели меня на свет.

Но я не умру! Меня спасут веселые бандерлоги, разудалой стаей скачущие по ветвям. Они подхватят меня, накормят бананами и затеют веселую игру. Захлебываясь от веселого азарта, охватившего меня искрящейся волной кока-колы от головы до пяток, я буду гоняться за ними в зарослях, рассматривая, не мелькнет ли где озорная, светло-коричневая спинка. Я буду жить с ними долго, обрасту шерстью и изорву одежду в клочья. Потом я захочу стать рыбой. Большой, холодной, мрачной рыбой.

Под склонившимися над водой ивами, под капающими влагой черными корнями, торчащими из обрыва, я пойду к реке. Взмахнув неизвестно откуда взявшимися плавниками, я плюхнусь в первозданную стихию. О боже, как здесь тихо! Как мне надоел весь этот гомон! Среди покоя, уюта и невероятного чувства невесомости я

поплыву к океану, уворачиваясь от щучьих зубов и хитрых сетей. Что это? Это шумит океан. Он вспенивает свои могучие седые валы. Я захлебываюсь от простора. Я – кит. Ударив огромным хвостом по терпко соленой воде, я оттолкнусь и уйду в неведомое.

Я буду плыть в этом мире, где некого оценивать и не из-за чего страдать. Где никто не знает постоянства. Где все плывут туда, где лучше, где новое. То спускаясь в темные глубины, то поднимаясь вверх, к солнцу, я буду скользить вдаль, беззвучно и без усталости. Мир безмолвия... Как я ждал тебя! Все мысли отступают перед круговертью жизни! Кувырок через себя, прыжок, восхищение своей ловкостью и силой! Восхищение материнской нежной средой, окружающей меня! Вглубь и вверх, влево и вправо! Свобода без ограничений!

Уткнувшись носом в берег, я вновь захочу стать человеком. Нью-Йорк! Каменная громада на берегу океана! Я хочу в тебя! Хочу слов и людей. Я не знаю тебя, не знаю, кто ты. Меня ловит полиция. У меня нет паспорта. Откуда у обезьяны-кита паспорт? Сижу в кутузке. Учусь спикать по-английски. *Mother fucker! How do you do?* Все, разговорный английский освоен, долой парашу, даешь вольную жизнь! Я – актер в захудалом бродвейском театре.

I'm Russian, mother fucker!

Толстой, Достоевский и вся фигня. Эмигранты в восторге. Наконец кто-то поднял их рыла над гамбургерами и попкорном и уткнулся в человеческие эмоции.

Надоело! Завтра улетаю. Утро. Непривычно серое и хмурое для Нью-Йорка. Разбегаюсь по 37-й авеню. Прохожие смотрят как на идиота. Восторг наполняет душу. Лечу, мать вашу! Крылья, большие и черные, говорят мне, что я – орел. Взмах, еще взмах! Высоко, блин! Сейчас обделаюсь от страха! Не бойсь, Шурка, не упадешь! Ты орел! Клево! Башка пьяная от адреналина. Осваиваюсь и начинаю прикалываться. Пикирую вниз, взмываю вверх! Это покруче американских горок! Дух захватывает, только держись! Кричу, а точнее клекочу, услышать некому, ну и начхать! Гуд бай, Америка. Горы, реки, холмы! Зеленые луга, желтые пустыни! Вперед, вперед!

Что это? Кажется, мои перья выпадают! Падаю вниз! Мама! Бултых! К счастью, упал в какую-то речушку. Господи Боже, да ведь это Медведица! Это же Аткарск! Как я соскучился по нему, маленькому и убогому! Жду на вокзале. Приползает голубое чудовище – электричка. Сажусь. Станция за станцией. Татищево – одна слезинка. Жасминка – две слезинки. Площадь Ленина – плачу! Студгородок! Я вернулся. Родина.

Избавление, или Как выплеснуть из души всё наболевшее

Автор: admin

06.06.2011 14:51 - Обновлено 29.10.2014 09:21

Падаю на землю и целую! Я вернулся и вылечился! Мне уже не больно, не тоскливо и не страшно! Я здоров! В Саратове весна! Каштаны цветут, медовый аромат щекочет ноздри. Бегу, запыхавшись, спотыкаясь. Прохожие оглядываются. Готов целовать каждый дом, каждое дерево! Моя улица! Мой дом №8! Моя квартира №23! Родные мои! Я вас всех люблю! Вот отдохну, и мы полетим! Я возьму вас с собой, родненькие...

Автор - Александр Сорокин

[Источник](#)